

Наталья Климова

Необыкновенные истории из жизни Фена и Белка

6+

Наталья Климова
Необыкновенные истории
из жизни Фена и Белка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58681363

SelfPub; 2020

Аннотация

Знаете ли вы, что можно дружить, даже если вы очень разные? Настолько разные, что один из вас – житель северного леса Белк Кисточкин, а второй – пустынный лис Фен? И тем не менее, однажды вы можете встретиться и уже не расставаться: собирать и сушить травы для чая, обустраивать домик, придумывать и шить шапку, строить летательный аппарат и сообща устраивать праздник для остальных обитателей леса. И даже большие Лоси с удовольствием будут участвовать в ваших проделках, потому что вы – неутомимые выдумщики, потешные изобретатели и лучшие друзья, которые всегда придут на помощь и тут же придумают что-то новое! Айда за Феном и Белком в лес! Там много интересного!

Содержание

История первая. О том, кто такие Фен и Белк, как они познакомились и стали друзьями	4
История вторая. О том, как Фенёк за дровами ходил	10
История третья. Об изобретении нафенёвника	14
История четвертая. О том, как Фен и Белк греться ездили	18
История пятая. О том, как Фен и Белк в артисты поступали	22
История шестая. О том, как Фен и Белк жилище обустроивали	27
История седьмая. О грозном воине Фене	31
История восьмая. О том, как Фен и Белк в дозор ходили	35
История девятая. О том, как Фен справлялся с житейскими трудностями	42
История десятая. Про авиатора Фена	48
История одиннадцатая. Про изобретателей, баню и песни	54
История двенадцатая. О том, как Фен и Белк в поход в деревню ходили	62
История тринадцатая и последняя. А о чем – решать читателю	68

История первая. О том, кто такие Фен и Белк, как они познакомились и стали друзьями

Где-то в лесу, на опушке которого находилась городская свалка, жили-были Фен и Белк. Лес находился недалеко от города, а свалка вся поросла иван-чаем, который буйно цвел летом.

Фена на самом деле звали Фенёк. Это был маленький лис с огромными ушами. Он родился в пустыне, в жаркой стране далеко-далеко отсюда, и очень интересовался всем, что было связано с людьми. И хоть его мама, госпожа Фенёк, и предупреждала, что это опасно, Фенёк все равно крутился рядом с ними. За свою любознательность лис однажды и поплатился. Разглядывая чью-то фотокамеру, он замешкался и не успел вовремя удрать, а потому был пойман и перевезен в город, где оказался в квартире одной барышни. Барышня души не чаяла в Фене. Она могла часами рассказывать своим знакомым об удивительно проворном и живом лисёнке и поглаживать ему уши. Но лис напился молока, осмотрелся и решил, что такая жизнь ему не по душе. Дождался, пока она ушла на работу, вылез в незакрытое окно – и был таков.

Ну а Белк – это был Белк. С пышным хвостом, которым он по праву гордился, и с кисточками на кончиках ушей. Пол-

ное его имя было Белкан, но все звали его коротко: Белк. И фамилия у него была самая что ни на есть подходящая: Кисточкин.

Белк проживал в лесу и был дружелюбно настроен ко всем вокруг. Иногда он забегал и на свалку, чтобы сорвать себе пару цветков для травяного чая. В один из таких дней, прыгая среди куч мусора, он услышал хриплое "Уй!"

Белк остановился, наострил кисточки и прислушался.

– Ыых... Эть... Ать... – доносилось из зарослей.

– Ээй! – таким же хриплым шепотом позвал он.

Наступила тишина. Потом листья зашуршали, стебли качнулись, и из-за цветов высунулась треугольная морда с круглыми блестящими глазами. А чуть повыше глаз начинались – Белк мог бы поклясться, что два уха, но он никогда в жизни не видел таких огромных ушей, а потому и клясться не стал. Но подумал про себя, что это, кажется, два уха. Следующая бельчачья мысль была о том, что поблизости нет деревьев, чтобы ретироваться, если уши вдруг окажутся опасными. А потом Белк решил, что такой маленькой мордочке положено не слишком большое тельце, а значит, несмотря на огромные уши, зверь сам по себе должен быть некрупным. Все-таки Белк был лесным жителем, многое повидал и кое-какое представление о животных имел. Поэтому, как подобает лесному жителю, он сел на задние лапы, оперся на хвост, пригладил усы и только после этих приготовлений счел, что готов общаться.

– Ты кто? – спросил он, приосанившись.

– Я Фен, – ответил Фен, – а ты кто?

– А я – Белк, – ответил Белк, – а Фен – это что такое?

– Фен – это Фенёк. Ну, то есть, коротко от Фенька, – ответил Фенёк.

– А Фенёк – это что такое? – с подозрением стал выяснять Белк. Все-таки зверь этот ему не внушал доверия. Свалка находилась рядом с лесом, и Белк чувствовал свою ответственность. Кто знает, чего ждать от этих огромных ушей?

– Не что такое, а кто такое. То есть, кто такой. Фенёк – это лисица такая, – объяснил Фенёк и вылез из зарослей иванчая.

Белк оглядел его и в раздумьях почесал правую кисточку. Он видел много лисиц, но ни одна не была похожа на Фенька.

– Лисицы обычно рыжие или черно-бурые, – засомневался он, – а ты какой-то... пыльный.

– Не пыльный, а песочный. Я пустынный лис, – объяснил Фенёк и моргнул.

Белк задумался. В лесу он считался начитанным Белком, и ему было неудобно обнаружить даже перед этим вроде бы лисом свое незнание.

– А ты чего такой тщедушный? – продолжал выяснять Белк, стараясь не уронить своего достоинства.

– Сам ты тщедушный, – насупился Фенёк, – не хуже тебя буду. Если хочешь знать, феньки все такие.

– Да и уши у тебя странные... – вслух размышлял Белк.

– Уши – это чтобы прохладно было. Сказал же, я – пустынный лис, а в пустыне жарко, – растолковал Фенёк.

– А почему же ты не в пустыне? – наконец, услышав ответ на свой вопрос об ушах, спросил Белк.

– А, долгая история, – махнул лапой Фенёк, – расскажу как-нибудь при случае. А ты-то сам кто вообще? А то спрашиваешь, спрашиваешь, а про себя ни гу-гу. Хулиганствие какое!

– Белк. Белкан Кисточкин, – отрекомендовался Белк.

– Фенёк. Эээ... Фен, урожденный Потетен, вот! – представился Фенёк в ответ. Так-то он был просто Феньком, но представиться Потетеном, да еще урождённым, показалось ему солиднее. Не зря все-таки он какое-то время прожил у барышни. Природное любопытство сыграло ему на руку, и за недолгое время у нее он кое-что услышал, кое-что запомнил, кое-что решил взять на вооружение. И он точно помнил, что быть урожденным – это совсем не то, что быть просто так, хотя никогда в жизни он не смог бы объяснить, кто такой Потетен и откуда он взялся. Ну а о белках он слышал.

– А ты что тут делаешь? – задал Белк последний вопрос.

– Что-что... живу я здесь, вот что! Это ты зачем сюда приискал? – перешел в наступление лис.

Выяснив, что за птица, точнее, что за зверь его новый знакомый, Белк сильно удивился, что свалка вдруг оказалась обитаемой. Но, поскольку он был воспитанной белкой, он обстоятельно рассказал, что именно привело его сюда.

Лис выслушал, хмыкнул и сказал, что знает кучу мусора, где иван-чай растет гуще, чем везде, и цветет по-особенному пышно. И он как житель этой свалки готов стать бельчачьим гидом и показать любителю чая дорогу к зарослям. Но взамен, когда настанет зима, он, Фен, сможет приходить к Белку на чай и греться. Белк порылся у себя в рюкзаке и предложил было лису кедровую шишку за труды, но тот замахал лапами так, что ветер поднялся.

– Ну, а истории ты знаешь какие-нибудь? – спросил Белк. – Зима длинная, вечера темные. А книжки я все прочитал.

– Истории... – Фен задумался, потом повеселел. – Будут тебе истории! – пообещал он, – зуб даю!

Белк почесал теперь левую кисточку, подумал, поглядел на Фена и согласился. В конце концов, это же не просто лис, а пустынный лис – если не врет, конечно, – да еще и Потетен!

Это была первая зима, когда Белкан каждый вечер слушал новую историю. Зима была суровой и вовсе не такой, как лис ее себе представлял, поэтому он прибегал к Белку каждый вечер. Иногда Фен, как истинный пройдоха, пытался рассказывать что-то по второму разу. Тогда Белк давал ему в лапы книжку, и Фен читал вслух у очага. Это была первая зима, когда Фен видел настоящие холода. У него отчаянно мерзли лапы и уши, и Белк достал ему у соседей шарф – повязывать голову. Широкий, чтобы уши упрятывать. И, само собой, за-

пасы травяного бельчачьего чая они выпили полностью.

Теперь Лис и Белк вместе заготавливают иван-чай, и вообще, как утверждает Лис, они – лучшие друзья. Только в одном их взгляды расходятся.

На вопрос, где они впервые разговорились, они отвечают по-разному. Фен горячо утверждает, что в цветах. Белк улыбается и говорит, что на свалке.

И тогда Фенёк сердится.

История вторая. О том, как Фенёк за дровами ходил

Зима выдалась холодной. Впрочем, зима была как зима, просто Фен отчаянно мерз. На улице он прятал уши и при-танцовывал на снегу, а дома даже у очага поджимал лапы и кутался в подаренный ему шарф. Поначалу он проживал в норе, которую сам для себя вырыл. Но, как истинный пустынный житель, он не представлял, какие холода его ожидают, а потому не утеплил ее как надо. Белк смотрел-смотрел на кашляющего и чихающего Лиса, который приходил к нему по вечерам, и предложил переждать зиму у него. Все-таки и дом бельчачий находился не у промерзшей земли, и очаг был хорошим, и печную трубу Белк отремонтировал.

– Захребетником не буду! – решительно сказал Фен, кутая уши шарфом, чтобы пойти в лес за дровами. Он уже перенес из стылой фенячьей норы нехитрые фенячьи пожитки и теперь собирался приносить пользу, чтобы не жить за просто так.

– Конечно, – согласился Белк, наблюдая за этими приготовлениями и соображая, где же у него были запасные валенки. Фен явно собирался идти по снегу голыми лапами. Но одно дело – пробежать расстояние от своей норы до бельча-

чьего домика, хотя тоже далеко, а другое – пойти в лес собирать дрова.

– Я вообще могу все! Вот прямо сейчас принесу дров до конца зимы! – объявил Фен и шагнул к дверям.

– Топор хоть возьми! – только и успел крикнуть Белк, а Фен уже скрылся в звенящем от холода лесу.

Он быстро-быстро бежал по насту, удивляясь, что уходит дальше и дальше в лес, а дров все еще не видно. Он думал отбежать недалеко от дома, быстренько собрать дрова и вернуться. Почему-то ему казалось, что они будут лежать на снегу, и их можно будет собирать, как летом шишки с земли. Он даже нашел пару шишек, но дров все не было.

Солнце пошло к закату. Короткий день заканчивался. Воздух стал сиреневым. У Фена зуб на зуб не попадал, шарф по краю оброс бахромой инея, а в кармане болтались лишь две шишки. Ну как с ними домой к Белку возвращаться?

– Эй, чудо! – донесся чей-то низкий голос откуда-то сверху, – Ты кто такой будешь? Чего мечешься по лесу туда-сюда?

Фен поднял голову. На него смотрела большая черная птица.

– Я – тетушка Ворон. Не путай: не Ворона, а Ворон. Мудрый Ворон – мой племянник, ну а я, стало быть, старше и мудрее. А ты кто? Откуда ты взялся?

Фен махнул лапой в ту сторону, откуда пришел. Говорить

он боялся. И так было холодно, а если рот раскрыть, то холодный воздух внутрь попадет, и будет еще мерзлее.

– Откуда? Оттуда? Так там нет ничего, только лес, – удивилась тетка Ворон, и Фен понял, что он еще и заблудился.

Он сел в сугроб и стал дышать на лапы. Шарф давно размотался и мешал при ходьбе, но завернуть его как надо сил уже не было. Да и темнело все быстрее. Фенёк понял, что судьба его – сгинуть в холоде и темноте. Он молча свернулся клубком, закрыл глаза и приготовился. Шарф окончательно сполз, и уши медленно расправились в густых сумерках.

– Ааа, так ты бельчачий Лис! – тут же догадалась тётка Ворон, – Что ж ты сразу-то не сказал? Али замерз настолько? А так далеко зачем зашел?

– Ззз-дддр-вввми, – пробормотал Фенёк.

– За дровааааами? – снова удивилась тётка, – а почему без топора?

Фенёк не ответил.

– Так, понятно, – протянула тетка Ворон себе под нос, – тут спасать и отогреть надо. Хоть и дурной Фен, да вроде не вредный.

И она взлетела наверх к себе: за валенками, которые всегда грелись в печурках, платком и кружкой с горячим чаем. Она жила прямо тут, на дереве, и как раз налила себе ароматную чашку, как вдруг увидела закутанного в шарф Фена, который как-то странно бегал по снегу, без валенок, и явно что-то искал.

Она принесла с собой еще и пирога с картошкой, и мазь на лапы, и шерстяные носки. Позже прилетел ее племянник Ворон, который, услышав всю эту историю, сначала долго смеялся, а потом собрал с печки просушенные дрова, связал в вязанку, положил на саночки и отдал Феньку. Затем он взлетел на высокое дерево и отыскал самую короткую дорогу к бельчачьему домику. А чтобы Фен снова не заблудился, они с теткой его проводили.

– Вот видишь, обещал же – и принес! – гордо заявил Фенёк, переступив порог бельчачьего домика. Белк посмотрел на аккуратную вязанку сухих дров, саночки тетки Ворон, ее же пуховый платок и валенки, и только улыбнулся.

А потом, когда Фен, устав от этого длинного дня, уснул у печки, Белк сходил к семейству Ворон и отнес им пару банок варенья, перевязанных сверху клетчатой тканью.

Валенки они оставили Феньку, хоть у Белка и была еще одна пара. Пусть, сказали, запасные будут. Вдруг снова в лес придется идти.

История третья. Об изобретении нафенёвника

Время шло, зима потихоньку перевалила за середину. Белк подумывал, что скоро надо будет пересмотреть гребни для вычесывания шерсти во время линьки: какие-то поменять, а какими-то еще пользоваться. Пуходеркой вот заинтересовался в последнее время. Витаминным маслом озаботился, все-таки вид во время линьки облезлый.

А Фен по-прежнему постоянно чихал. Сам он объяснял это тем, что его южная натура непривычна к холодам, но Белк резонно возражал, что акклиматизация давно закончилась. Шарф, валенки и шерстяные носки помогали Лису быть в тепле на протяжении всей зимы, а морозы уже прошли.

Лесной доктор только руками разводил. "Переохлаждаетесь Вы, батенька, аккуратнее надо быть", – говорил он.

И в один прекрасный день, когда Фен собирался за водой и угрюмо кутал голову в шарф перед зеркалом, шмыгая опять сопливым носом, Белк понял.

– Фен! Фффффееееен!!! – радостно завопил он, – Фффффееееен, я нашел причину!!!

Фен молча повернулся к нему.

– Помнишь, когда я тебя увидел, из-за твоих ушей я не верил, что ты правда лис?

– Ну и? – мрачно спросил Фен, – Говори быстрее, я сейчас вспотею, и меня продует на ручье.

– Фен! Ты тогда сказал, что такие уши положены всем пустынным лисицам, чтобы жарко не было!

– Ну, положены, – согласился Фен, гремя коромыслом и ведрами.

– Вот в них-то и причина! – торжественно заключил Белк и расправил хвост.

– Что тебе опять мои уши не нравятся? – возмутился Фен, – Да, их сильнее продувает, и что? Отстричь?

– Зачем стричь? – Белк даже не обратил внимание на фенячье возмущение: так его обрадовала простая мысль, что пришла ему в голову, – шапка тебе нужна!

– Пробовали уже, сам знаешь: мне ни одна шапка не подходит! – ерепенился Фен.

– Так тебе не обычная нужна, а специальная! В обычную мы тебе уши заворачиваем, а они все равно разворачиваются, и шапка слетает. Шарф на голове лежит неплотно, ветер постоянно задует, вот и простываешь! Ты же сам говорил: уши такие у вас для охлаждения! Вот они и охлаждают!

– То есть, уши у меня работают как надо, – повеселел Фенёк, – просто климат тут тяжелый! Ну ладно, я пошел за водой, а то шарф опять размотается.

И он ушел, а Белк собрался к тётке Ворон.

Та сначала не поняла, о какой такой специальной шапке толкует Белкан, а разобравшись, полностью одобрила бельчачью идею и согласилась сшить то, что требуется. Только порекомендовала шапку сделать с завязочками. Все-таки она была очень умной тёткой Ворон. У нее абсолютно на все было собственное мнение, и, конечно, она не могла не усовершенствовать проект. Она бы и расположение Солнца в галактике подправила, будь такая возможность.

Раздобыли шерстяную ткань, сняли мерки, поняли, что и на завязочки хватит. Долго думали над утеплителем. Тёткин племянник Ворон часто летал в город и слушал, о чем говорят люди, поэтому он тоже принимал посильное участие и предлагал в качестве утеплителя мох, пенопласт, стекловату – до тех пор, пока тётка Ворон, рассердившись, не треснула его по затылку за такую ерунду. После этого он снова слетал в город и принес то, что требовалось: мех для подкладки.

Раскроили, стачали, завязочки пришили. Позвали Фена. Тот, увидев шапоньку, завозмущался было, что из него шута хотят сделать, уж больно забавно выглядела шапка отдельно от головы. Это была шапонька с пришитыми к макушке утепленными чехлами для ушей, как раз по размерам фенячьих. И завязочки, чтобы не сдувало. Белк сам втихомолку помирал со смеху, но с серьезным лицом заверил Фена, что на шутовских шапках еще и бубенчики есть. А тут бубенцов никаких, сплошное здоровье и натуральные материалы. По-

этому Фен примерил. И не захотел больше снимать, так ему понравилось, что и уши не прижаты, и не задувает, и тепло. Снял только после того, как выпил три чашки чая и взмок.

А для того, чтобы шапонька точно была не шутовской, а фенячьей, тётка Ворон предложила придумать для нее название. Потому что никто никогда таких шапок раньше не видел.

– А чего тут думать-то? – сказал Белк, – Шапонька надевается на Фенька, так что и называться она будет – нафенёвник!

На том и порешили.

А Фен потихонечку ото всех скроил себе из фланели нафенёвник домашний. Когда дома прохладно, он надевает его и читает книжку, укрывшись пледом. Правда, стесняется, потому что фланель попалась розового цвета. И, если внезапно войти в комнату, то Фен поспешно нафенёвник сдернет, путаясь ушами в чехлах. Белк иногда так делает, но Фен страшно обижается и просит предупреждать, чтобы он успел привести себя в порядок.

А к шапоньке своей специальной он давно привык и теплый нафенёвник с удовольствием носит. И болеть перестал.

История четвертая. О том, как Фен и Белк греться ездили

Как-то раз мудрая тетка Ворон, глядя на серого после зимы Лиса, совершенно серьезно сказала, что его надо подлечить. Белкан возмутился было, что они и так в лесу живут, вон сосны стоят, а пробежка на пять километров по сосновому лесу заменяет месяц отдыха на море. Но тетка Ворон покачала головой и напомнила, что родина фенячья вовсе даже не тут, а там. Далеко. Ее племянник Ворон в городе в книжный магазин залетал, книжку притащил яркую, там ухастьый лис Фенёк нарисован в песке, а не в сосновых ветках. И чтобы ему окончательно не захиреть – нафенёвник-то не сразу пошили, а климат тут ему неподходящий – его надо бы в этом песке и повалять, чтоб прогрелся, утверждала она. А в лесу тень сплошь да рядом. Не по верхушкам же деревьев Феньку скакать, в самом-то деле.

Фен, честно говоря, вообще не знал, что такое пустыня и где она находится. Его увезли совсем малышом, и он все позабыл за давностью событий. Но он был невероятно горд и долго начесывал уши перед зеркалом, напоминая всем, что величина ушей у него предусмотрена самой природой для охлаждения тела в жару. Еще он рассуждал об особенностях климата и утверждал, что в пустыне совершенно пусто: толь-

ко пыль, солнце и феньки. Ворон и Белк, из природного любопытства пролиставшие книжку дальше, улыбались и обсуждали между собой оазисы, кактусы и эвкалипты.

И вот, дождавшись жарких дней, Белкан сложил в чемоданчик фундук про запас, и они с Феном направились к реке – туда, где берега были желтыми и зернистыми.

Белк сразу сказал, что он не приспособлен к жизни под прямыми солнечными лучами. Надел панамку, открыл чемоданчик с фундуком и упрыгал в тень ивы с книжкой. Иногда он высовывал нос на солнце, но предпочитал все же находиться в прохладе. Фен, напротив, радостно извалялся в песке, побегал в зарослях чертополоха (он представлял себе, что это пустынные колючки), с разбега окунулся в речку и устроился обсыхать на самом освещенном и нагретом месте.

Через два часа он попросил у Белка панамку. Сделал ножом прорези для ушей и прикрыл полями покрасневший нос. Спустя еще час он стал подвигаться в сторону тени и совать туда то одну лапу, то другую. Потом забрал книжку, поставил домиком и залез в этот шалаш под страницы. Белк мирно посапывал под ивой, прикрыв на всякий случай голову лопухом.

Так – один под книжкой, второй в тени – они провели еще какое-то время, пока не стало вечереть.

Зашедшая к ним перед закатом тетка Ворон очень удивилась, увидев Фена посреди кухни. Он стоял взъерошенный,

с растопыренными лапами и пальцами. Нос пылал. Усы – и те топорщились.

«Перегрелся», – догадалась тетка Ворон. Белк уже вылил на Феньку ведро воды во дворе и теперь соображал, чем еще его охладить. Фен тихо поскуливал. Тетка Ворон предложила Фену сразу ночевать в ведре с водой. И, возможно, так впервые в лесу появился бы водоплавающий Лис. Но Белк возразил, что Фен тогда переохладится и опять простынет. А Фен встрепенулся и добавил, что если долго сидеть в воде, то кожа на лапах некрасиво сморщится. «Мацерация», – глубокомысленно изрек он.

Возразить было нечего. Пришлось звать Ворона, может, он чего подскажет, не зря ведь так много в городе бывает. Но тот только смеялся и ничего годного выдать не мог.

И тут тетку Ворон осенило: мох!

Надо найти поляну, где начинается болото. Наломать еловых лап и сделать Феньку ложе во мху. Укутать Фена в толстое одеяло и переправить туда на ночь. Ему будет прохладно и не станет так жечь.

Сказано – сделано. Укутали верещащего Лиса, втроем перетаскивали. Белк взял себе еще одно одеяло – не бросать же друга! – и оделся потеплее. Как только Фена принесли и положили в мох, он тут же уткнулся в него горячей головой и с облегчением вздохнул.

Спустя два дня он уже разглядывал в самоваре загорелую

кромку носа и страшно гордился тем, что кожа под шерстью сменила бледно-голубоватый цвет на кремовый оттенок. И до конца лета говорил всем, что теперь он выглядит как истинные пустынные лисы. А лучшее средство при ожогах – влажный мох. Но тут же оглядывался и уточнял, что это – к примеру, и что идея со мхом пришла ему в голову совершенно случайно. Вот буквально прямо сейчас.

История пятая. О том, как Фен и Белк в артисты поступали

После оздоровления на речке Фен и вправду стал бодрее и сильнее. Сам Лис, естественно, утверждал, что это – чудодейственное влияние мелкого горячего песка, вот ведь и при болезни рекомендуется лежать на печке прямо на кирпичках. А песок – это рассыпавшиеся камни. Почти те же кирпичи. Белк считал, что у Фена просто окончательно завершилась акклиматизация, но не считал нужным переубеждать. Пусть думает что хочет, лишь бы на пользу.

А Лис поздоровел, похорошел, и сил у него прибавилось настолько, что он начал горланить песни. В хорошую погоду он мог целыми днями распевать хриплым голосом. В дожди голос быстро садился от влажности, поэтому в сырость Фен повязывал шейный платок и разговаривал приглушенно, даже если не пел.

Белк быстро выучил все песни, которые пел Лис, даже пару народных лисьих песен на фенячьем арабском – по крайней мере, Фен утверждал, что в Алжире и Тунисе все говорят именно на нем. Только у людей он – человеческий. Был ли язык, на котором Фен пел песни, действительно арабским, проверить не представлялось возможным, поэтому приходи-

лось верить на слово. А еще у него была заветная монета с изображением предка, которую Лис с детства носил с собой как талисман и как-то умудрился сохранить*.

И вот однажды, когда все дела были переделаны, Фен предложил Белкану съездить в город и посмотреть, что там происходит. Ворон же летает туда постоянно, значит, ничего страшного там нет. Да и что может с ними произойти? Только интересное и невероятное, решили друзья. Собрали нехитрую еду, Белкан надел кепочку, и они поехали навстречу чудесам.

Город накрыл их шумом, оглушил гудками, ослепил светом и пылью, и они поняли, что приехали не зря. Повсюду – толпы людей, толпы зверей; толпы ворон, которые, галдя, что-то делят; и все это сливается в одну большую толпу. В лесу такими толпами только елки растут.

Проходя мимо уличного музыканта на площади, Фен остановился и дернул Белка за лапу:

– Смотри!

Музыкант что-то наигрывал, а сидящая рядом на поводке собака тихо поскуливала. Заметив Фена и Белка, он перестал играть, отложил скрипку в сторону и протер глаза. Собака покосилась и хмыкнула. Фен приосанился, все-таки не каждый день кто-то при виде тебя забывает о делах.

– Дяденька, а дяденька! – начал он решительно, – у нас к Вам вопрос.

Белк удивленно посмотрел на Лиса, потому что никакого вопроса у них не было, но решил не вмешиваться.

– Вопрос вот какой, – продолжал Лис серьезно, не замечая округлившихся от удивления глаз музыканта, – Вы – настоящий музыкант или так просто?

– Ннна-сто-ящий... – прозаикался в ответ музыкант.

– А где Вас этому учили? – не унимался Лис.

– Ввв... училище... – начал приходить в себя музыкант и потянулся куда-то за спину.

– Шли бы вы отсюда, – проворчала собака вполголоса, – не связывайтесь.

– Почему? – насторожился Белк.

– Он сейчас поймет, что вы и вправду говорите с ним, понимает – и будете вы тут с нами сидеть целыми днями, деньги ему зарабатывать, – сквозь зевоту процедила собака, чтобы для человека это звучало протяжным негромким лаем, – а хотя как хотите, мое дело предупредить, – уже укладываясь в клубок, проговорила она из-под хвоста и накрыла им нос.

– Фен! – дернул Белк Фена за ухо, – Бежим, Фен! – и поскакал прочь, таща Лиса за собой. Боковым зрением он успел заметить, как музыкант, ругаясь, убирал обратно петлю.

– Ну, и в чем дело? – ворчал Лис, – Можно подумать, я петлю не видел! Да убежали бы, а я бы точнее выяснил, где находится то место, где на артистов учат! А так только название знаю.

– А зачем нам это место? – не понял Белк.

– Как зачем? Вот поступим в артисты, нас заметят, о нас узнают, заговорят, и тогда мы заживем!

Белк снова ничего не понял, но, раз уж они все равно были в городе, а времени до отъезда было еще много, согласился найти училище и поступить в артисты.

Там очень удивились, увидев в коридоре два шерстяных создания: одно ухастрое, другое хвостатое, глаза блестящие, морды мохнатые, усы торчком. Сидят рядышком: решительные, друг друга локтями подталкивают. И, поскольку ухастрый был очень настойчив, комиссия согласилась их посмотреть. На вопрос, что они умеют, Фен, не задумываясь, ответил: "Все!"

– Басню знаете?

– По части басен он – непревзойденный мастер! – заметил Белк.

Для начала Фен объявил, что они споют и спляшут.

Он хрипло спел все, что знал (Белк, аккуратно повесив кепочку на спинку стула, усердно отбивал ритм лапами, тряс кисточками и отстукивал особо сложный рисунок хвостом). На народных фенячьих песнях комиссия оживилась, но все испортила нервная бледная дама на высоченных каблуках: то ли секретарша директора, то ли помощница. Вбежав за каки-

ми-то документами в зал, где шло прослушивание, и увидев отплясывающих Фена и Белка, она в ужасе всплеснула руками, раскашлялась, вытащила надушенный кружевной платочек и стала кричать, что здесь повсюду шерсть и ей дурно.

Все переполошились, усадили ее на стул, замахали руками и забегали. Белк притащил воды, но она, открыв глаза и увидев перед собой кисточки и стакан, зашлась в новом приступе кашля.

Фена Потетена и Белкана Кисточкина внесли в резерв как не успевших пройти прослушивание полностью "в силу вмешательства обстоятельств непреодолимой силы" – Фен настоял, чтобы записали именно так. Точно так же написали и в справочке, которую им выдали. Белк положил ее дома за зеркало и иногда доставал, показывал желающим. А Фен сетовал, что, найди они училище раньше, они бы успели все показать до прихода дамы с платочком. Ведь их уже почти взяли в артисты.

—

*Изображение лисицы фенёк есть на мелкой алжирской монете в четверть динара.

История шестая. О том, как Фен и Белк жилище обустроивали

Лето постепенно шло под уклон. Фен подумывал, что надо бы обустроить и свою землянку. Не все же время у Белка жить. Да и тесно вдвоем в одном домишке. Он даже начал собирать и сушить мох, но тут на чай заглянула тетка Ворон. Она послушала фенячье-бельчачьи размышления, усмехнулась и посоветовала не заниматься ерундой, а просто расширить и утеплить бельчачий домик: тогда и места всем хватит, и Лис не будет простужаться зимой в своей землянке. «Все равно вы будете скакать из одного дома в другой, не проще ли сразу остаться в более теплом и пригодном для жизни?» – рассуждала она, – «Да и не успеть уже по-хорошему землянку утеплить: там работы не на одну неделю. Вы там лучше кладовую для припасов сделайте».

Лис поначалу насупился и с достоинством проговорил, что он живет в лесах всего ничего, и неизвестно еще, какую землянку вырыли бы в пустыне тетка Ворон и Белк, и на что бы она сгодилась, но быстро отошел. Уж больно заманчивой показалась идея большой кладовки, куда можно отнести все припасы. Да и накопилось их уже немало: Фен времени не терял, а быстро освоился и шнырял по лесу не хуже коренного жителя. Белк, повязав кисточки белым платком, развел

на дворе летнюю кухню и только и успевал перерабатывать горы грибов и ягод. А с появлением идеи кладовой припасов стало вдвое больше, тут уж оба расстарались.

Пока шли приготовления к обустройству, и Белк договаривался с Бобрами, Фен понял, что надо действовать. Для начала он решил покрасить печку. Остатки побелки у Белкана были, а кисточку Фен соорудил сам: после линьки у них накопился целый мешок шерсти, которую они обычно отдавали тетке Ворон для утепления окон на зиму. Вытащив здоровенный клок и намотав его на палку, Фен окунул свою самодельную кисточку в ведро и... вытащил голую палку. Шерсть просто сползла и скрылась в краске.

Фен не унывал: у него же был целый мешок. Вытащил еще один клок, намотал покрепче на палку, окунул в краску, посадил на пол кляксу и начал мазать печку. Через пару мазков шерсть слезла с палки и липким комком осталась на печном боку. «Высохнет – снимем, а пока надо красить», – решил Фен, и, не теряя времени, усердно принялся за дело.

Когда Белк привел Бобров определяться с фронтом работ, их встретили уляпаные пол, Фен и клочковатая печка. Мешок был пуст. Белк перебрал в голове все, что хотел сказать, но посмотрел на довольного Фена и только сказал: «Нет, Фен. Не так». Бобры переглянулись и молча кивнули.

Три дня ушло на то, чтобы общипать, подстричь и побрить печь. Еще три – на ее покраску и приведение в поряд-

док остального жилища. Бобры старались на совесть. Белк тем временем продумывал благоустройство кладовой, а Фен расхаживал в огромной треугольной шляпе, которую соорудил себе из газеты. В ней он был похож на Наполеона и вел себя соответственно: строил планы каждый день. На удивление, на этом его дуракаваляние закончилось. Видимо, чувствовал свою ответственность за печку и мешок шерсти, а потому не встревал.

И вот Бобры закончили и ушли. Стены и пол в обновленном, теперь уже фенячье-бельчачьем домике, радовали глаз приглушенными теплыми тонами. Печь стояла нарядная, даже стала как будто больше. Разве что шерсть с нее Бобры так и не сумели снять полностью, просто покрасили, и под белой краской она образовывала причудливые узоры. И оконные рамы утеплять в этом году тетке Ворон было нечем. Но она сказала, что попросит мох, что Фен для своей норы собирал, и получится не хуже. А шерсти они еще навывесывают, впереди целый сезон, чтобы ее вырастить.

Только с узорами на печке ничего было не поделать. Поначалу Фен смущался, когда гости спрашивали, почему печь не гладкая. Но потом стал говорить, что это – нанесение узора под краску, буквально новое слово в ремонте печей. А то, что узор белый на белом фоне – так это для пущего изящества. И что с кладовой он тоже что-нибудь новенькое придумает. Как-никак, кладовой будет нора, да не простая, а быв-

шая фенячья. Есть где развернуться. «И что переделать и перекрасить», – обычно заканчивал эту тираду Белк.

Тут Фен умолкал и улыбался загадочно и плутовато.

История седьмая. О грозном воине Фене

Завершив обустройство домика, Фен и Белк, как и планировали, плотно взялись за кладовую в бывшей фенячьей норе. Фен снова надел свою треугольную шляпу и всячески помогал Белкану обустраивать кладовку. Он тщательно простукивал стены перед тем, как прибивать полочки. Белк подозревал, что это неспроста, но помалкивал.

Затем Фен долго рыл подпол. Белк только диву давался, как ловко Фен работал лопатой, киркой и лапами. Он снова договорился с Бобрами, и те смастерили лесенку, по которой можно было без опаски спускаться и подниматься, даже если в каждой лапе находилось по банке и еще корзина в зубах. Белк, кстати, проделывал это с истинно бельчачьей ловкостью. Фенёк взялся было не отстать, но разбил банку варенья из одуванчиков – вторую Белк на лету подхватил – и одумался.

И вот кладовая полностью готова. Все припасы перекочевали в нее, на стенах в кухне остались только гирлянды сушеных грибов. А Фен снял свою наполеоновскую треуголку и скис. Как выяснилось, он оставил в норе тайник и не смог найти.

– Ты не это ищешь? – спросил Белк и вынес в кухню гремящий мешок.

Фен посмотрел на мешковину и ответил, что мешков у него отродясь не водилось. У него был сундучок. С ценными фенячьими вещами, которые передавались в их фенячьем роду по наследству из поколения в поколение. Древние Фены брали их с собой на ратные подвиги и всегда возвращались домой с честью. И бережно складывали их на хранение обратно в сундучок. Сундук был крепким и прочным, как все вещи, которые делались в старину, потому что их делали на века. На нем только заклепки в последнее время подраболтались. Фен как раз собрался их подтянуть, а тут зима, бельчачий домик, простуда, поступление в артисты, за Бобрами глаз да глаз... Наверное, кто-то стащил, пришел к выводу Фен и добавил: «Хулиганствие какое!»

Пока Фен произносил свою речь, Белк вытряхнул на пол содержимое мешка. Из него выпали: жестяная миска; старая, чуть погнутая трехзубая вилка; какие-то ремни разной ширины и та самая монета с изображением фенячьего предка, которую Фен тоже долго искал и не мог вспомнить, куда положил, хоть и не признавался в этом. А с печки, с самого верха Белк, кряхтя, спустил сундучок. Сначала хотел было пнуть, чтобы он слетел кубарем, да передумал. Все же вещь старинная, уважения требует.

Фен очень обрадовался, увидев свое добро в целостности и со-

хранности. Вспомнил, что сундучок он в первые же морозы притащил в домик: это Белк посоветовал, чтобы краснового оттенка дерево не рассохлось. И тут же уселся чистить свое вновь обретенное снаряжение.

И вот, вернувшись однажды домой, Белк остолбенел от удивления: его встретил полностью снаряженный воинственный Фен. Миска оказалась каской. Она сияла, когда на нее попадал свет, и по всей кухне прыгали солнечные зайчики. Ремнями Фен опоясался крест-накрест, завернул их вокруг живота, а за пояс воткнул вилку, на которой держал правую лапу. Монету он повесил на шею. Каска была немного великовата и периодически сползала на нос, и тогда Фен задирал подбородок, чтобы из-под края было видно, куда ставить лапы. И, хоть картина была уморительной, смеяться Белк не посмел: Лис был тщедушен, но решителен и грозен.

– Ты куда? – спросил Белк.

– Опробовать снаряжение, – коротко ответил Фен и шагнул в дверь.

Он дошел до кладовой, обогнул ее трижды, проверил замок и отошел в сторону: понаблюдать.

Спустя два часа он доложил дома, что вокруг своей бывшей норы заметил следы мышей. А значит, снаряжение он достал не зря: надо будет идти в дозор, чтобы поймать разбойников с поличным и сохранить до весны их замечательную кладовую, а то растащат. Больше он никого не видел, и

само собой, за два часа в лесу его тоже никто не видел и не слышал.

А пока Фен и Белк обсуждали, когда им лучше выдвигаться, удивленные тетка Ворон с племянником и Бобры, сидя рядышком на бревне, ломали голову: что за бряцающий грибок ходил сегодня по лесу?

История восьмая. О том, как Фен и Белк в дозор ходили

Обнаружив у кладовой мышьиные следы, Фен и Белк первым делом перетащили в домик самое ценное, чего было жалче всего. А потом они собрались в дозор, чтобы как следует припугнуть серых разбойников и сохранить припасы в целости и сохранности хотя бы до весны. Тем более что на-собирали, назапасали, трудились в поте ушей, а тут раз – и кто-то все повытащит. Перед самой зимой. «Хулиганствие какое!» – ворчал Фенёк, пока они собирались.

Перво-наперво надо было сбить мышей с толку. Они на-верняка знали, чья это кладовая и как выглядят ее владель-цы: Белкан и раньше был известен, а нафеневник зимой очень уж примелькался в лесу. Поэтому Фен решил надеть свое снаряжение.

Он снова начистил каску и вилку. Потом подумал и ре-шил, что сияющая каска – это красиво и воинственно, но больше подходит для парадов, а для засады нужно что-то бо-лее скромное. Но расставаться с каской не хотелось, поэтому Фен, скрепя сердце, перемазал ее сажей из самоварной тру-бы. Но вилку оставил как есть. Сказал, полый плаща прикро-ет. Он, правда, не представлял себе, где он достанет плащ, но решил соорудить его во что бы то ни стало.

Затем надо было хитрым тактическим ходом сбить противника с толку. Мыши явно ожидали, что охоту на них откроют оба товарища, вот Фен и решил: пойдут оба, но это будут два Фена. Белк все-таки создание добродушное, и мыши вряд ли его испугаются, а вот Фена они плохо знают. И пока они будут думать, где Фен, а где не он, друзья их и сцапают. А чтобы Белк не расстраивался из-за своего добродушного и негрозного вида, то в дозоре под видом замаскированного Фена будет Белк, а Фен, так и быть, посидит в засаде.

Белк выслушал эти путаные объяснения, почесал левую кисточку и согласился, что есть тут рациональное зерно.

Цветастым кушаком от платья друга долго подвязывали Белку хвост, который так и выскальзывал из-под веселенького ситца. Устав, они попросили тетку Ворон придумать что-нибудь. Она посоветовалась с племянником, и тот принес из города полтора метра медной проволоки. Белк был в совершенном восторге: мало того, что она отлично удерживала хвост, так еще и гармонировала с цветом шерсти. Сложнее всего было соорудить из бельчачьей головы фенячью. Нафеневник хоть и пришелся впору, но было видно, что чехлы для ушей пустые. Пришлось набить их ватой, и они, хоть и немного неровно, все же стали издалека напоминать фенячью уши. А в темноте, сказал Фен, вообще будет прекрасно.

И вот в сумерках друзья вышли в дозор. Фен, как и обещал, шел в плаще, сделанном из мешка. Белкан нес нафеневник в рюкзачке. Дойдя до кладовой, они спрятались в кустах.

Белк молча раскрыл рюкзак, вытащил оттуда большую клеенку (нашел у себя в запасах и взял на случай дождя), кусок бересты и спички. Вместе они бесшумно натянули клеенку на нижние ветки большой ели, спустив край до земли. Это была засада. Туда и юркнул Фен дожидаться нарушителей спокойствия, а Белк надел нафеневник и отправился ходить вокруг кладовой.

Вскоре стало темно и неуютно: поднялся ветер, густые ели шумели тяжело и грозно, а потом начал накрапывать дождь. Белк смаргивал капли, но продолжал упорно ходить и высматривать. Фен в это время у себя в засаде развел небольшой костерок и прислушивался. Ему было жутковато, но утешало, что есть хоть какой-то свет.

Непогода между тем разыгралась, дождевые капли падали редко, но звучно, а ветер поднимался все сильнее. Фен давно снял каску, чтобы она не мешала слушать, и сидел, выпрямившись и перепуганно глядя в темноту вверх углей.

И вдруг с другой стороны костра метнулась тень. «Сюда, давайте сюда», – прозвенел чей-то голосок, и к Феньку робко подошли три зверька. Они были совсем маленькими, на голове у каждого была шапочка, а в лапах – мешок. Фен моментально напялил каску обратно и подбоченился. Он сразу понял, что бояться ему нечего. Зверьки попросили разрешения погреться у костра и рассказали, что отправились за добычей, но потерялись.

– Не беда, – повеселел Фен, – оставайтесь! Вместе веселее

и не так страшно... – и прикусил язык, – то есть, я хотел сказать, не так холодно и одиноко, вот! – поправился он, – а там и мой друг придет, и совсем хорошо станет!

Зверьки протянули лапы к углям, Фен подбросил несколько хворостин, и огонь тут же вырос и оранжево заулыбался. Зверьки оживились и наперебой стали рассказывать, как вышли из дома, как быстро стемнело, как они решили свернуть раньше, чтобы срезать путь, а тут ветер, и дождь, и лиса еще явно была поблизости, и они снова решили свернуть, а потом совсем сбились с пути. Фен важно кивал и поддакивал: не стоит ходить ночью, надо либо с опытным провожатым, либо в ясную погоду начинать.

Мало-помалу беседа стала совсем непринужденной. Новые друзья по очереди начали рассказывать страшные истории, которые в темноте и дожде звучали вовсе не страшно, пока ветер не сорвал клеенку с еловых веток. Вторым сильным порывом он задул огонь, и вся компания оказалась в крошечной тьме. И тут они увидели, что в их направлении движется чудище: светясь по контуру, оно медленно перемещалось, а на голове у него росли тяжелые рога. «Сидите тихо, в темноте не заметит», – прошептал Фен, умирая от ужаса. Зверьки пискнули и забились за него. Чудище приближалось. Оно хрустело ветками, грузно ступало и ворчало на ходу. Фен закрыл глаза, чтобы его не заметили, а когда открыл, страшная фигура была уже рядом. Он понял, что спрятаться не удастся, завопил: «Помогииииите!», метнул в монстра

шишку, подпрыгнул, ударился каской о еловую ветку и рванул оттуда, унося ноги и ничего не видя на своем пути: темно, да еще и каска сползла на нос.

– Стой, стой, дурень! – догнал его знакомый голос, – да куда ж ты, лисья голова?! Я это, я! Белк!!

Это и правда был Белк. Он шел с фонариком, держа его над головой, потому и светился так странно. А рога оказались вовсе не рогами. Это ватные уши раскисли от дождя.

Вдвоем они быстренько подняли клеенку и пристроили ее на еловые ветки. Вновь развели огонь, а зверьки предложили Белкану сушеных ягод и слегка остывший чай, чтобы он мог согреться. Фен опять почувствовал себя уверенно и даже начал раздавать указания, не снимая каски.

– А ты, гляжу, времени не терял, – сказал Белк, придя в себя и с любопытством рассматривая зверьков. – Давайте знакомиться! Я – Белк, – сказал он и снял, наконец, нафеневник.

При виде кисточек зверьки приуныли. Тот, который был у них за главного, стянул с головы шапочку и вздохнул.

– Мыши мы, – сказал он, глядя в землю, – за добычей шли.

– Мыыыыши??!! – завопил Фен, подпрыгнул от неожиданности и снова треснулся каской о еловые ветки, – да как же так???! – причитал он, снимая каску и потирая ушибленное место, – что же это, как же это?! Мы же тут!!.. огонь!!.. я же вам... прячьтесь!.. а вы... – от возмущения ему не хватало слов.

– Мы же не знали же, что ты – Фен же! – пробубнил старший Мыш*, – ты же в каске же был. Вот Белка увидели и поняли.

Затем они удалились в угол самодельной палатки, пошептались, вернулись, выстроились в шеренгу и хором пообещали в благодарность за приют ненастной ночью никогда-никогда не трогать фенячье-бельчачью кладовую.

– Мы, конечно, Мыши, – сказал старший Мыш, – но и у нас есть друзья! А потому: надеть шапки! Кру-гом! – командовал он, и мыши, помахав Фену с Белком, друг за другом вышли из палатки.

Старший Мыш сдержал свое обещание. С той поры возле кладовой никто никогда не видел ни единого мышинового следа. Фен и Белк очень радовались, что могут даже не запирать двери, ведущие к припасам, хотя и помалкивали об этом. Только иногда Белк нет-нет да вспоминал, какого деру дал Фен, испугавшись его в ночи. Но Фен возражал: он сразу понял, что это Белк возвращается из дозора. Ну кто еще мог там ходить в темноте? А сам он намеревался сделать круг и вернуться. Да и побежал он по очень простой причине: хотел убедиться, что Белкану в его возвращении никто и ничто не угрожает.

—

*Автору известна литературная норма и грамматическая

парадигма существительного «мышь»; в данном случае словоформа «Мыш» без мягкого знака является именем собственным, а также дополнительно подчеркивает принадлежность существа к мужскому полу и склоняется как существительное мужского рода. Можно считать это маскулинизацией языка с одной стороны и авторским неологизмом (или поэризмом) с другой.

История девятая. О том, как Фен справлялся с житейскими трудностями

Как и следовало ожидать, после ночного дозора в сырой шапке и под дождем Белк основательно простудился и заболел. Он хрипел, сипел, булькал и пузырился, но хорохорился как мог. «Сопли – не болезнь!» – повторял он, пока окончательно не свалился. Вот прямо так и свалился: тетка Ворон заглянула на огонек проверить болящего, заодно малины принесла. Белк, обмотавшись шарфом, сидел-сидел с ней за самоваром, пил горячий чай с малиной чашку за чашкой, а потом сказал, что он полежит немножко – и заснул прямо тут, на лавке. Тетка Ворон потрогала бельчачий нос, покачала головой и сказала Белкана не трогать, пусть поспит.

Следующие несколько дней были похожи один на другой: по утрам Белк вскакивал, полоскал горло, умывался и собирался по делам. Фен с разбега налетал на него с криком, чтобы Белкан оставался в кровати, никаких ему дел, пока не поправится. Вот ведь только накануне вечером температура была! Белк в споре слабел, садился на стульчик и пил очередную чашку, откуда тепло пахло летним лугом. А дальнейшие события Фен уже знал: Белк объявлял, что полежит минутку, и ложился. Минутка превращалась в сутки, пото-

му что из-за температуры голова тяжелела, и Белк незаметно для себя засыпал.

Фен сбивался с ног, чтобы помочь другу: таскал ему сушеные яблочки, заваривал чай, мял клюкву с медом. Послушно повязывал уши косыночкой, пока готовил снадобья: пару раз Белк пожаловался, что в чашке шерсть. Шерстинки были светлыми, так что тут Фен возразить ничего не мог. Готовить еду Лис перестал: у Белкана аппетита не было, а только для себя Фен не готовил. Да и дел много навалилось: одни перебежки между домиком и кладовой чего стоили! Тут не до изысков. На ручей надо было ходить по нескольку раз за день: на чай и полоскания уходило много воды. А когда Белк парил лапы, Лис утаскался ведер и дров так, что вечером упал возле печки и уснул.

А стирка! Поди поменяй постельное белье после того, как больной пропотеет! Ему же чистое надо постелить, а это постирать. И пока кисточки сутками спали, отвернувшись к стене, Фен через день затевал стирку. А это значило натаскать воды, протопить печку, согреть воду, налить, закинуть белье, начавкать мылом пену и стирать. В первые же два раза Фен стер лапы о стиральную доску, а потом изобрел более хитроумный способ, хотя и долгий способ: запрыгнув в корыто, Фен бултыхался в мыле и топтался по белью всеми четырьмя лапами. Пена иногда поднималась чуть не до потолка, переваливалась через край, бесшумно падала на пол и тихо шипела, угасая. Со стороны казалось, что белье во-

рочается в корыте само по себе, а мыльная гора равномерно движется от бортика к бортику тоже совершенно самостоятельно. Внутри этой горы был Фен со стеклянной миской на голове, чтобы мыло не попадало в глаза. До миски Фен додумался не сразу, а только после того, как пулей вылетел из корыта и выплакивал у умывальника едкую резь. Отплакав, он поднял мокрую голову и увидел подходящую посудину. Благодаря сложенным ушам она не падала, а держалась довольно ловко. В первое использование миска запотела. Фен поскользнулся и чуть было не тюкнул ее о бортик, но потом понял, что миску можно намочить, и стекло останется прозрачным. А надеть на голову сырое – это ничего, все равно Фен весь искупается. Замедляла процесс необходимость высохнуть после такой стирки, прежде чем идти во двор развешивать, но Фен не унывал. Главное, что дело шло.

Так прошло полторы недели. Белку стало значительно легче. И, как полагается выздоравливающему, он был зверски голоден и ел все подряд, а мечтал о еде еще больше. Фен варил бульончики и понимал, что надо звать на консультацию тетку Ворон, чтобы научиться готовить что-то посущественнее. А то и Белк не выздоровеет: так и будет лежать под одеялом, подняв коленки и поставив на них книжку, и Фен будет без конца что-то жарить и парить у плиты.

Тетка Ворон охотно вызвалась помочь, и три дня подряд исправно прилетала показывать Фену чудеса кулинарии. И потом навещалась через день, чтобы Фен мог задать вопро-

сы. К концу недели Фен говорил, что может работать в ресторане. Не шеф-поваром, но кое-какие блюда в его исполнении охотно были бы включены в меню. Поэтому, когда Белк попросил овощное рагу, Фен, уверенно взялся за дело. Долго тушил, томил на медленном огне и дегустировал. Добавлял то одно, то другое. Но Белк попробовал и задумался. В рагу чего-то не хватало. Тетка Ворон тоже была в растерянности: что-то надо было добавить, но она не могла понять, что же именно. Фен возмущенно сопел. Он и так открыл все самые-самые ценные запасы, а тут критика. Ворча, он направился в кладовую, чтобы посмотреть, что у них еще есть, и встретил по пути отряд мышей во главе со старшим Мышом. Они шли за добычей, как всегда, петляя, чтобы сбить с толку хищников. Мышь поинтересовался, как у кладовой, и Фен поведал, что все спокойно: за последние две недели следы там только фенячи в большом количестве, и он сейчас еще добавит. Потому что только и делает, что ходит за припасами. Так, слово за слово, Фен рассказал о последних событиях. Мышь подумал немного и сообщил, что они большие знатоки всяких добавок, и зайдут после похода к Фену отведать его рагу и определить, чего же не хватает.

– Кореньев! – сообщил Мыш вечером, проглотив пару тарелок горячего варева, – кореньев, точно тебе говорю!

– Да где же мне их взять? – растерялся Фен, – я даже не знаю, что это такое. И где их искать? А если не достану, Белк не выздоровеет!

– Мы принесем! – пообещал Мыш и командовал отряду выдвигаться: ночь на дворе, а Фену еще посуду убирать, и белье в углу замочено.

На следующий день Мыш притащил запас на полгода. Повеселевший Фен тут же развел огонь и поставил тушиться большой горшок, чтобы всем хватило. Мыш тем временем помогал ему с мелким делами и развлекал друзей рассказами из мышиной жизни. Прилетевшая на рагу по фенячьему приглашению тетка Ворон тоже смеялась от души. Единственное, что мешало – это то, что Фен постоянно переспрашивал.

– Да ты не слышишь, что ли?! – рассердилась она после очередного фенячьего «А?»

– Да шумно тут, – смутился Фенек, – а вообще, знаешь, у меня очень чешется левое ухо. Надо, наверное, почистить, только я давно не занимался, времени все нет.

– Становись к окну! – командовал Мыш, – да не этим ухом, а тем, где чешется!

Мыш зажег мышиный фонарик, взобрался на табуретку и заглянул Фену в ухо. Мышиная голова ушла туда почти полностью.

– Тааак, так-так-так... Понятно, – сказал он, слезая. Переставил табуретку на другую сторону, снова забрался, набрал в грудь воздуха и сильно дунул Фену в правое ухо. Из левого вылетели пыль, паутина и два сухих паука.

– Вот теперь порядок! – сказал Мыш, спускаясь на пол.

– И правда! – удивился Фен, встряхивая головой, – все слышно!

А рагу удалось на славу. Белк на запах проснулся, вылез из кровати и ел вместе со всеми за столом. Потом он выпил много-много морса, заснул без температуры и с тех пор быстро пошел на поправку.

История десятая.

Про авиатора Фена

Надвигалась осень, а за ней – снова зима. Фен тоскливо поглядывал на улицу и думал, что наступит и пройдет осень, опять выпадет снег и завалит все тропинки, а некоторые сугробы вырастут до такой степени, что стоит в них провалиться – и даже кончиков ушей не будет видно. И передвигаться будет сложно. А хотелось быстро-быстро, как летом. Фен с завистью думал о том, как ловко Белк прыгает с дерева на дерево, передвигаясь по своим воздушным тропам, а проще всех живется Воронам: на землю можно вообще не обращать внимания. И на погоду. Только ветер может иметь значение.

День становился все короче, Фен по вечерам все чаще не выходил на улицу в темень, а предпочитал полистать что-нибудь увлекательное. И вот однажды, изучая какую-то толстую книгу и ворча себе под нос, он увидел занятный рисунок и заворчал уже заинтересованно. Это был воздушный змей, для полетов которого как раз был необходим ветер. Фен немедленно собрал запасы в кучку, подбил Белка испечь лепешек и пригласил всех на стратегический совет. Точнее, пригласил-то он всех на чай, а когда гости собрались, там уже и до совета было недалеко. Фен завел разговор издалека: вот и погода портится, и ветра сплошные, а чем заниматься,

когда так противно? Можно смастерить и запускать змея. И еще можно из ветра и змея извлечь пользу для дела: скажем, привязывать к змею что надо и отправлять по ветру куда надо. Например, небольшие припасы из кладовки.

Идея с отправлением мелких запасов при помощи змея была встречена одобрительно, но вот проблема: ветер-то дует каждый раз по-разному. И тут Фенёк выпрямился и сказал, что нужен пилот. Кто-нибудь не очень большой и тяжелый. И сообразительный. Кто смог бы направлять змея куда требуется. Все замерли во внимании. Фен выпрямил грудь колесом и объявил:

– Белк!

– А? – растерялся Белк, – а мне-то зачем? Я и так по воздушным дорогам передвигаюсь. По деревьям туда-сюда. Мне нормально. И отнести могу. И от ветра спрятаться за стволом. И вообще... – тут он осекся, посмотрел на Фена и понял его мысль. Фен слегка покраснел, но глаза не отвел.

– Фен, а Фен, – позвал Белк, – Фен, а давай мы тебя на пилота выучим? Кто придумал, тому и летать.

Фен того и ждал. Пожеманничал немного и якобы нехотя согласился.

Ворон с Белком три вечера подряд конструировали змея из палок и старого полиэтилена от парников: на свалке было много интересного. Примеряли Фена к перекрестию палок. Привязывали его и смотрели на соотношение размеров. Приматывали покрепче и подбрасывали всю конструкцию,

чтобы прикинуть тяжесть. Фен терпеливо сносил все, пока, подбросив в очередной раз, его не уронили. Тут он разворчался, раскряхтелся, развозмущался – но осторожно, чтобы и без того уставшие и вспотевшие Белк с Вороном не оставили это занятие.

Тетка Ворон тем временем придумала Фену теплый шлем-нафенёвник. Внутренний чехол был с кармашками для ушей, потом они складывались, и сверху надевался плотный шлем. А Фен, вспомнив, как слезятся глаза на холодном ветру, пошнырял на свалке и притащил оттуда огромные солнечные очки со стеклами изумрудного цвета и одной дужкой. Снял дужку, выпросил у тетки Ворон резинку, примотал, примерил – и пошел на улицу создавать себе зеленое лето.

И вот змей готов. Фен гордо называл его «летательный аппарат» и строил планы по лесной авиации. Белк не разделял его оптимизма: еще неизвестно, что у них с Вороном получилось. Но что бы ни получилось, а смотреть сбежалась половина леса. Змея установили на верху холма, внизу стоял наготове Лось с веревкой в зубах. Когда неделю назад к нему сбежалась лесная мелюзга и что-то затараторила про полеты, Лось очень удивился. Потом долго не мог понять, что от него требуется: куда бежать с веревкой? Он не лошадь! Потом увидел Фена в очках, трубно засмеялся и согласился поучаствовать: уж очень интересно стало, что там мелочь задумала.

Фен, не торопясь, надел подшлемник, перекинул через голову резинку от очков, усадил шлем поплотнее, подошел к змею и объявил, что он готов. В полной тишине Белк и Ворон привязали Фенька к змею, встали по бокам, уперлись в рейки, развернулись, чтобы поймать ветер и приготовились. Бобер взял красную тряпку и пошел к краю. Заяц набрал в грудь воздуха для команды. Вообще, давать старт очень хотел Мыш, но от этой идеи пришлось отказаться: Лось подслеповат, а мышиный голос довольно слаб и может не перекрыть ветер

– Три, два, один, СТАРТ! – заверещал Заяц, а Бобер махнул Лосю тряпкой.

Белк, Ворон и Фен разбежались, ловя ветер; веревка натянулась: это Лось набирал скорость. Змей взлетел. От ужаса Фен даже глаза не смог закрыть: елки моментально оказались где-то далеко внизу; Белк, Ворон и остальные превратились в горошины, а змей скрипел и не выглядел крепким, как на поляне. Было холодно. Лось, судя по всему, неся не разбирая дороги, а ветер швырял змея как хотел. Какое уж тут управление! Фен и не подозревал, что ветер может быть настолько сильным. Это внизу можно согнуться и побороться, а тут знай держись! Очки давно съехали, но Фен и не думал их поправлять. Он бы при всем желании не смог оторвать лапу от рейки: так было страшно.

На самом деле полет продолжался недолго. Ветер, увидев,

что за чудо болтается в его потоках, до того удивился, что затих. И Фен со змеем тут же спланировали вниз, прямо в забытый кем-то старый стог. В нем давным-давно разместились муравьи, которые разбежались кто куда, едва завидев пикировщика. Поэтому Фен отделался довольно легко: Лось почувствовал, что натяжение веревки ослабло, остановился и пошел искать незадачливого летчика. Нашел по хриплому ворчанию. Только отвязать от реек не смог, так и привез обратно всю конструкцию с Феном по центру. Фен был не против: как-никак, он в полном обмундировании и при самолете. Вот только сидеть на спине у Лося не получилось, мешал длинный хвост змея. Пришлось ехать лежа на пузе.

– Со щитом или на щите? – поинтересовалась тетка Ворон, завидев возвращающегося Лося.

– Под ним, – улыбнулся Лось, – да все в порядке! Вон, с очками разбирается.

Фенька сняли с Лося, отделили от змея и принесли домой. Весь день Фен без усталости рассказывал всем желающим, какими маленькими были ёлки и как на него напали муравьи, а он храбро их разогнал, а потом ехал верхом: впервые в жизни! И Лось бежал быстро, а Фен не упал! А Лося Фен все о себе поведал, еще когда Лось его только-только из муравейника вытащил.

Белк, войдя во вкус, предлагал использовать для полетов

фенячьи уши: поставить Фена на холм, чтобы тот поймал ветер, расправил уши, натянул их лапами, разбежался и планировал в воздушных потоках. Но Ворон возразил, что это будет полет с холма вниз до ближайшей елки. Поэтому идею оставили (Фенёк вздохнул с облегчением).

Помочь таскать зимой что-то в кладовую или из нее вызвался Ворон, если ему будет по пути.

А змея отремонтировали и в хорошую погоду запускали всей компанией. Иногда и Лось приходил. Очень уж потешной («Потетешной!» – поправлял иногда Фен) оказалась возня с лесной мелюзгой.

История одиннадцатая. Про изобретателей, баню и песни

После неудачной истории с лесной авиацией Фен немного призадумался, но не унывал. Змея по-прежнему запускали все вместе и бегали за ним по очереди, так что без дела он не лежал, но дух испытаний уже прочно засел в фенячьей голове и не хотел ее покидать. Белк тоже нет-нет да полистывал что-то, прикидывал в уме, рассчитывал, пришепетывая, но мысли не озвучивал. Так они и ходили, размышляя, задумчиво почесывая за ухом, приговаривая что-то в потолок и даже не замечая друг друга, пока однажды не столкнулись прямо посреди кухни и не очнулись. Постояли немного, глядя на кисточки и уши. Туман в глазах спал.

– Фен, а Фен, – позвал Белк, – а что там у нас с чаем?

– Белк, это ж ты у нас специалист по чаю, это у тебя надо спрашивать, – все еще медленно и задумчиво ответил Фен.

– Да ничего там ни у вас, ни с чаем: заварка сгнила давно, и я ее вылил, – послышался голос от печки. Это Мыш возился в углу, гремя ухватами, которые были в несколько раз больше него. Он давно уже приходил в бельчачье-фенячье жилище и поддерживал небольшой порядок, пока Фен и Белк витали в эмпиреях. А они так увлеклись своими идеями, что ели и пили машинально, а потом расходились каж-

дый в своем направлении. Зато Мыш достоверно знал все их идеи, потому что друзья рассеянно делились всем, что было у них в голове, знай спрашивай. Белк размышлял на тему стирки не в доме, особенно зимой, когда не станешь постоянно держать окна открытыми, а влажность – последнее дело; а Фен думал, как был обеспечить бесперебойное наличие теплой воды той же зимой и осенью. Посуду сполоснуть, постирать вот опять же. Если постоянно топить печку, то это означает вечную простуду, потому что выскакивать из жаркого помещения на мороз себе дороже, а вода нужна. А подогреть каждый раз – никаких дров не напасешься.

И вот когда Фен с Белком наконец наткнулись друг на друга посреди кухни, и прозвучал первый вопрос про чай, Мыш решил возвращать друзей к реальной жизни. Поставил самовар, усадил обоих на лавку и пообещал в следующий раз огреть шваброй, если они опять уйдут в свои прожекты. А на первый раз прощается.

– Я знаю, о чем вы оба размышляете, – серьезно начал он, когда чай был заварен, а Фен и Белк с удовольствием швыркали его из блюдец, заедая вареньем. Каждый наложил себе полную розетку и прихлебывал. Мыш считал, что это не чай с вареньем, а варенье с чаем, но помалкивал. Сейчас другое было важнее.

– И о чем же? – поинтересовался Белк.

– О бане, – со вздохом ответил Мыш. Эта идея пришла ему сразу, как только он совместил фенячье-бельчачьи по-

требности.

– О чем-о чем? – насторожился Фен. Слова «баня» он не слышал ни разу, так что был уверен, что Мышь что-то не так понял. Но на всякий случай заинтересовался. А Белк от удивления даже про варенье забыл. Про бани он знал: в его понимании это было что-то вроде сарая для дров.

Мышь вздохнул снова. Учить и учить этих оболтусов. Умные головы, да дуракам достались. Изобретают велосипед, а на нем давно уже весь мир ездит. Надо только спрашивать. Все это он с удовольствием им поведал, не преминув сообщить, что тоже бывал у людей, ходили они в дальние походы с гнездом. Вот там и насмотрелся. На запах бежал, а в банях чего только не было! Но в основном вода, сухари какие-то, огромные миски и по несколько веников. Он тогда был совсем молодым и очень всему удивлялся, так что старшим деревенским мышам пришлось многое ему объяснить. Ну а дальше, если была возможность, то он в деревне обязательно забегал во все непонятные постройки. Так что сейчас он сидел с видом ветерана полевых походов и пил пятую чашку под собственные рассказы.

Фен и Белк еще два дня обсуждали идею бани, очень уж она им понравилась. Решили, что до наступления больших холодов обязательно надо придумать что-то подобное. Но вдвоем точно не справиться; помещение ведь нужно примерно с их кухню. Придется помощь привлекать.

Как обычно, напекли оладушек. В лесу уже знали, что ес-

ли Фен зовет «на оладушки», значит, это будет очередной совет. Тетка Ворон даже предложила юным изобретателям просто пробегать мимо домиков с криком «ОЛАДУШКИИ-ИИИИ!!!» – и все равнодушные сразу же соберутся.

Мышь как самый опытный в банных вопросах сразу предложил звать на помощь Бобров. Тут самим не справиться, а Бобры – народ опытный, и инструмент у них весь есть. А в качестве платы Мышь предложил вырубить ивняк на берегу ручья, где будет стоять баня, и отдать его бобрам полностью. Фен недовольно засопел. На иву у него были свои планы: он хотел научиться плести корзины, но расплачиваться за работу было больше нечем. А идея с баней так приглянулась, что Фен был готов бежать к бобрам прямо сейчас, несмотря на вечернюю темень. Поэтому идею с корзинами отложили до будущего года. Белк с Мышом сели обсуждать тонкости банного дела, а Фен пошел проверять, на месте ли топорик, чтобы с рассветом отправиться на запруду, а потом в ивняк на берег ручья.

– Чего-чего? Строить? Сейчас? – удивлялся Бобер. Они с Бобрехой занимались утеплением хатки и таскали щепки, прутьики и сушили траву, готовясь к холодам.

– Строить. Сейчас. Потом поздно будет, – храбро подтверждал Фен.

– Да не успеть до холодов. Ни дерево, ни сруб не просохнут, – пытался втолковать Бобер.

– Если быстро – то успеть. Просохнут, – настаивал Фен.

– Да когда же? Я только через неделю закончу утеплитель в хатку собирать, а потом запасы нужны, – рассуждал Бобер.

– Прямо сейчас. Через неделю ты вернешься к своему утеплителю и запасам. И принесешь еще больше. Мы тебе молодой ивняк вырубим, и ты весь заберешь. Два больших куста, – соблазнял Фен.

– Ива? Молодая? Два куста? – у Бобра загорелись глаза.

– Ива. Молодая. Два куста. Вот топорик, прямо сейчас пойду вырубать, – Фен для убедительности вытащил топорик из-за пояса и спрятал обратно.

– Я подумаю, – пообещал Бобер и пошел обратно к хатке, где уже сердилась Бобриха: руки в боки, хвост пришепывает по траве.

Фену очень не хотелось работать зря, ведь Бобер еще ничего твердо не обещал. Но делать нечего, и они с Белком, кряхтя, как раз выкорчевывали последний корень, как из воды с шумом показалась голова Бобра. Он был уже в каске на всякий случай. И брата с собой взял. И обеих Бобрих: они будут готовить провизию и помогать по мере сил. Баню могут сложить за неделю. Даже сухое дерево дадут из своих запасов. Но взамен Бобры попросили не два, а четыре куста ивняка и сверх того два мешка бельчачьего иван-чая.

– Мы согласны! – быстро ответил Белк, пока Фен раздувался от возмущения и готовился произнести свое коронное «хулиганствие какое!».

– Чай мы еще соберем – втолковывал ему Белк, – в конце концов, будет следующее лето, да и отдать мы можем один мешок прошлогоднего запаса, мы же много собрали. Ивняк вырубим сегодня весь, сколько требуется, побудем тут целый день. На чай мы еще листиков засушим. Дерево заготавливать не надо! И баня будет уже через неделю!

Фен медленно сдулся и согласился. На том и порешили.

Окончательно затупив топорик и стерев пальцы, Фен вернулся домой поздно вечером, страшно грязный и довольный, и долго отмывал пузо и лапы. Не менее довольные Бобры тащили ивняк поближе к хаткам: надо было сделать рейс, чтобы взять еще и налобные фонарики. Поскольку ивняк был отличным, а чай – еще лучше (Белк сверх того презентовал баночку сушеных ягод), то Бобры были готовы работать круглосуточно. Мышь с гнездом в очередной поход в деревню заодно разведдал, что нужно, чтобы строить печку, а потом пригласил гнездо деревенских мышей, которые следили за строительством и добросовестно путались у Бобров под ногами.

Как бобры и обещали, через неделю баня была готова. Фена с Белком смутил только огромный предбанник с высоченным потолком: они думали, что ему положено быть маленьким.

– Ну и что? Это очень удобно, – разъясняли Мышь и Бобры, – предбанник все равно топить не надо, вода – в самой

бане, а здесь много места и для стирки, и для ведер, и для наших запасов.

– Для чего???) – подпрыгнули Фен и Белк.

– Для запасов. У нас в хатках и норах влажно. Да вы не бойтесь, наши запасы вам не помешают: мы их будет сушить под потолком на веревочках и иногда забирать, – засмеялись Мыш и Бобер, а мама Мыш и Бобриха, улыбаясь, уже тащили корзины с грибами, травками и корой. Белк прикинул высоту потолка, вытолкал Фена из бани и помог протянуть веревочки и привязать пучками все, что понатащили запасливые матери семейства.

Запасы и впрямь не мешали. Чтобы забрать что-то, мама Мыш и Бобриха подгадывали, когда Белк пойдет топить баню. Когда баня или вода были готовы, и Фен направлялся туда с тазиками, уже никого не было. От травок и коры исходил приятный запах, так что постепенно фенячье возмущение окончательно улеглось. Белк – тот с самого начала был не против. Раз уж Бобры с Мышами так расстарались, то пусть себе пользуются пространством под крышей.

А остальные лесные жители всегда знали, кто сейчас плещется в бане: если перед дверью маленькая тачка – там Фен (он стирал и мыл посуду); если из трубы идет дымок – там Белк (он топил баню или грел воду – смотря что было нужно. Фенёк огня боялся). Ну а если дверь плотно закрыта – значит, банный день. И тогда из бани раздавались шлепки веника, кряхтение, и два голоса горланили: «Мыыыы – дети

галактикиии, и самое главноеееее – мыыы дети твоиии-
ии, дооо-рро-гаааа-яяяаааа Земля-ааааа!»

История двенадцатая. О том, как Фен и Белк в поход в деревню ходили

Выстроив баню и вдоволь нарадовавшись, Белк понял, что ему не дают покоя рассказы Мыша о походах в деревню и обрывки болтовни, которые он слышал, пока гнездо деревенских мышей гостило в лесу во время строительства. Ему было страсть как интересно посмотреть, что еще есть у людей такого, что можно было бы взять на вооружение. А ночи как раз уже темные, да и опыт ночного похода к кладовке у Белка имелся. Поэтому он решил попросить Мыша в следующий раз взять его с собой.

– А я? А меня? А почему это без меня? А я чем хуже? Да что же это такое??!! Хулиганствие какое!!! – возопил Фен, узнав о бельчачьих планах. Никакие уговоры не действовали, а все аргументы, что вот нападут собаки, а Мышь прыг в траву и был таков, а Белк прыг на дерево и ускакал, не действовали. Фен вопил, что его недооценивают, не видят в нем ловкого и умного зверя, а уж быстрого – тем паче. И пришлось снаряжать еще и Фена. Еле отговорили брать каску, чтобы не бряцать в темноте, но от вилки Фен отказаться не смог. И надел легкий нафенёвник, чтобы не простудиться. Белк и Мыш нарядились в темные вязаные шапочки, и в од-

ну из черных, но спокойных и безветренных ночей мышиное гнездо в сопровождении Фена с Белком выдвинулось в путь.

Они долго шли сначала по лесу, а потом по проселочной дороге, чтобы беречь силы. И вот воздух чуть потеплел, и запахло чем-то новым: примерно так пахло в квартире у барышни, где когда-то жил Фен. Поэтому он понял, что деревня близко. И верно: Мыш резко остановился, потянул носом и поднял правую лапу вверх, подавая знак молчать. Все замерли, а он покрутил головой, посплюнявил лапу и определил направление ветра. Потом жестами показал, откуда заходить в деревню и знаками объяснил, что действовать надо молча и быстро. Так же молча и быстро все натерлись полынью, чтобы перебить собственный запах запахом травы.

На входе их встречал один из самых опытных деревенских мышей: он должен был сопровождать Фена и Белка как впервые попавших в деревню. Главное – не разбудить собак и не попасться кошкам, напомнил он им вполголоса, и все разошлись по своим делам.

Фен и Белк в полном восторге исследовали хозяйственные постройки, когда деревенский Мыш вдруг напрягся и прислушался. Фен как раз примерял огромную шляпу с завязочками поверх нафеневника, а Белк рассматривал грабли и косы. Мыш шикнул на них, требуя тишины, и все замерли, не меняя положения. Из угла с сеном потянул небольшой сквозняк, Мыш пискнул: «Бежим!» и, пригнувшись, метнулся вдоль стены к щели, через которую они попали в сарай.

Белк моментально ускакал под потолок и притаился в темных балках, а Фен рванул к дверям, но шляпа слетела с головы, зацепилась за шею и застряла в дверном проеме. Тут же его настигла огромная серая кошка, схватила за шиворот и выволокла во двор, где собака уже почуяла чужака и заходила лаем.

Кошка дотащила добычу до забора, где росла яблоня, и стряхнула на землю. Фен аккуратно разогнулся, поправил шляпу, нафеневник, и тут же прискакала собака. Она трясла мокрым языком, припадала на передние лапы, мотала хвостом и явно радовалась поимке ночного гостя. Разглядев, что Фен – это что-то странное, она села. Кошка брезгливо жалась в сторону, но зорко следила за Феном, явно не собираясь отпустить пленника.

– Слушай, – спросила, наконец, Собака, – а ты кто?

– Я – Фен, урожденный Потетен, – с достоинством ответил Фен, – а ты – Собака, я тебя знаю. А ты – Кошка, я сразу понял (Фен, правда, видел их только на картинках).

Кошка отвлеклась от лапы, которую облизывала между делом, и подняла глаза.

– А на голове у тебя что? – продолжила расспрашивать Собака.

– Шапка такая, – насупился Фен, – ты-то в будке живешь, а я нет.

– А ну, сними! – потребовала Собака, перестав улыбаться. Фраза про будку ей совершенно не понравилась: все уличные

собаки пеняли ей этой будкой, а ведь зимой будка что есть, что нет, одинаково холодно.

Фен сдернул нафеневник, и Собака с Кошкой застыли в изумлении.

– Какой же ты Фен? – медленно начала Собака, – ты же...

– Ты же Собака! – взвигнула Кошка и отвесила Фену за-трещину.

– Ты же Кошка! – твякнула возмущенно Собака и забежала с другой стороны, чтобы Фен, который от неожиданности укатился кубарем, не удрал.

Фен понял, что дело не уха. Он выхватил вилку и приготовился сражаться за свою жизнь, как вдруг перед ним на землю плюхнулся какой-то шерстяной комок, кувыркнулся, подпрыгнул три раза, обернулся Белком, показал Кошке с Собакой язык и с криком «Белки не сдаются!» дал деру к углу дома. Кошка рванула за ним, а Собака переполошила лаем всю округу. Фен воспользовался моментом, умчался обратно к забору, взобрался на него как заправский акробат, оттуда – на яблоню; оскальзываясь и оступаясь, пролез, обдирая лапы, в темноту, зацепился завязочками шляпы за ветки и рухнул куда-то вниз. На его счастье, шляпа оказалась действительно большой и зацепилась она очень удачно: Фен плюхнулся в нее, как в гамак, и затаился.

На шум и гам вышел хозяин с фонарем. Кинул галошей в Кошку, чтобы не царапалась по концам бревен на крышу; вылил ведро воды на Собаку, чтобы та замолчала, и пригрозил

всех выгнать, если не будут давать спать. И ушел обратно в дом. Кошка фыркнула: «Больно надо!» и удалилась на соседний участок ловить кротов. Собака обиделась и ушла в будку обсыхать. Белк благополучно спустился с крыши, отыскал деревенского Мыша, встретился в условленном месте с гнездом лесного Мыша, а потом все дружно отправились снимать Фена с яблони.

Фен ни в какую не захотел расставаться со шляпой, считая ее своим трофеем. Так и шел в ней по дороге, хотя уже светало. Тем более что нафенёвник остался на дворе: его поутру утащила в будку Собака. Они с Кошкой, глядя на него, время от времени пытались ответить на вопрос, что за зверь пожаловал к ним тогда ночью. Кошка утверждала, что это была мелкая собака, а Собака, наоборот, думала, что приходила странная кошка. Нафенёвник доказывал, что им не привиделось.

А Белк и Мыши долго не могли понять, почему Кошка их учуяла. Ведь полынь была свежей, выветриться не успела. Пока Фен, рассказывая в очередной раз о своем чудесном спасении, не вытащил откуда-то пучок перьев. Это был его талисман на счастье, который он сделал как раз перед походом. Птицы перед полетом на юг выкинули из гнезда весь пух и перья, которые уже не были нужны, а Фенёк подобрал.

И тут все стало ясно. Кошка пришла на запах птицы. А дальше последовали приключения во дворе.

Фенёк же был с этим утверждением категорически не со-

гласен, как его ни убеждали. Талисман в ту ночь спас ему жизнь – и точка. Вот же он, вернулся, живой и здоровый, хоть и побывал в лапах и в зубах у Кошки. И даже трофейную шляпу принес. С завязочками.

История тринадцатая и последняя.

А о чем – решать читателю

И вот, наконец, снова настали холода.

Фен и Белк обросли зимней шерстью, и Фен не без удовольствия отмечал, что в новой шерсти уши в зеркале кажутся еще больше, подчеркивая его фенячьест. Белк еще раз вычистил щетки и пуходерки и убрал их до весны. Утепленный нафенёвник и бельчачья шапочка поселились возле дверей, а в печурках грелись три пары валенок: по одной на каждого и запасные, еще те, что семейство Ворон подарило в самую первую фенячью зиму.

Утра становились все темнее, а дни – все сумрачнее, пока солнце окончательно не ушло зимовать. Фен хмурился и ворчал. Белк просто ворчал: он знал, что это время надо пережить. Но радости от этого было мало. Так, в ворчании, они подкидывали дрова в очаг, когда зашла тетка Ворон.

– Говорят, каждую зиму у людей в городе большой праздник, – сразу начала она, – Ворон мне все уши прожужжал.

– Тебе праздника хочется? – не оборачиваясь, спросил Фен. Белк, щурясь от жара, шурудил кочергой в печке.

– А почему нет? А мы чем хуже? – недоумевала тетка Ворон. Ей давно надоела эта зимняя тоска и вялые лесные жители. Половина ушла в спячку, а половина ходит как в воду

опущенная.

– И что ты предлагаешь? Поехать в город к людям? Почему они празднуют без нас? – все так же спиной бурчал Фен.

– У меня одно предложение: давайте устроим праздник! Здесь, сами! – тетка Ворон даже не злилась на Фена, – вы напечете оладушек, я пирогов сделаю, мыши нам украшения какие-нибудь притащат...

– Что будем праздновать? – выпрямился Белк, – для праздника название нужно.

– Приход зимы! Снег! Полную луну!

– Полную луну и так волки каждый раз празднуют, – слышалось из угла, куда уполз Фен.

– Ты бы за водой лучше сходил, ну или за дровами, – предложил Белк. Ему идея показалась интересной, и он хотел ее обдумать без фенячьего ворчания.

Фен надел валенки и хлопнул дверью.

– Значит, снег. Зиму. Луну... – задумался Белк, – а позове-
м кого?

– Да всех желающих! – взмахнула крыльями тетка Ворон, – каждый принесет с собой что-то вкусное, а на лесной поляне разложим костер и будем танцевать!

Белк улыбался и кивал. Фен вернулся с дровами побод-
ревший и сказал, что идея с праздником все же стоящая,
только вместо него придет Загадочный Герой. И ушел шур-

шать чем-то на печке. Белк с Мышами набрали отовсюду цветных бумажек, разрезали их на длинные полоски, вываляли в снегу, намотали влажными на палочки и оставили сушиться: это был самодельный серпантин. Тетка Ворон облетела всю округу, и на праздник засобирался даже Лось. Заяц отчаянно трусил, но потом огородами пришел к Фену, они о чем-то тихо поговорили, и Заяц уже уверенно прошепелявил, что придет.

Собираться решили на поляне, где Фен учился летать. Через неделю все было готово: на снегу полыхал костер, с веток деревьев спускались разноцветные спиральки (Белк с бумажными ленточками в зубах упрыгался вусмерть), а около костра на полешках были разложены всякие вкусности.

Лоси пришли со своей солью. Фен и Заяц явились в черных масках. Фен предлагал Зайцу надеть еще нафеневник и набить чем-нибудь чехлы для ушей, но Заяц возразил, что его и так никто не узнает. За фенячьей спиной развевался широкий плащ. Фен постоянно на него наступал и спотыкался, а когда в очередной раз чуть не упал, то окончательно рассердился и со словами «хулиганствие какое!» просто сдернул его и выкинул в сторону.

Лесная мелочь, развеселившись, тут же утащила плащ, чтобы съезжать на нем с горы. Тех, кто не влез, Лось катал на спине вокруг поляны. Белк забрался повыше на сосну, лущил шишки и сбрасывал пустые вниз, целясь в костер. Вороны на другом дереве понемногу клевали пироги, а мама

Мышь увязывала в платочек остатки сушеных ягод.

Игра в прятки не удалась: проще всех было прятаться Зайцу и тем, кто мог забраться на дерево. Игра в догонялки тоже не пошла: слишком по-разному все передвигались. Тогда Ворон предложил игру в фанты, которую видел в городе. Играли до упаду, пока Фен не получил задание залезть к медведю в берлогу, чтобы пощекотать ему в носу соломинкой. Фен расхрабрился, полез, наступил на медвежью лапу и чуть было не разбудил зверя. Тогда только все опомнились и вдруг, как это обычно бывает, осознали, что уже глубокая ночь. Все набегались, напрыгались и устали. Морозно, отчаянно хочется спать и нет сил даже лапу поднять.

Вороны полетели к себе. Тех, кто жил совсем далеко, по пути подвезли Лоси. А мышиное семейство отправилось ночевать к Фену с Белком, чтобы не добираться по холоду.

В домике мыши забрались на печку и тут же уснули. Фен и Белк заварили чай с мятой и сели с кружками перед очагом. Темнота за окном уже не казалась такой хмурой: морозец бодрил, снег искрился и радовал, огонь нашептывал какие-то сказки. Валенки подсыхали, лапы отогревались, деревья на улице потеплее укутывались в снег, а в груди пушистым комочком сидело счастье.

Впереди была длинная зимняя ночь на несколько недель. Но она уже не пугала и не угнетала. Она тихо смотрела в окошко, подсвечивая себе луной, и в фенячье-бельчачьем

домишке от нее было светло и спокойно.

Для подготовки обложки издания использована иллюстрация Егоровой Е.В. «Фен и Белк: знакомство».